

УДК 821.161.1+1:316.6

**ФОЛЬКЛОРНЫЙ МОТИВ ВНЕЗАПНОГО
ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ КАЧЕСТВ
И ЕГО СВЯЗЬ С ОЖИДАНИЕМ ЗОЛОТОГО ВЕКА**

Е.С. Маслов

Аннотация

Мотив внезапного проявления положительных качеств является инвариантным для различных жанров мирового фольклора. Психологический механизм, похожий на тот, который действует в этом мотиве, лежит в основе ожидания внезапной реализации социального идеала (народная социальная утопия, эсхатология), что приводит к искажению адекватности восприятия исторического процесса. Русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин в своей сказке «Богатырь» разоблачает неоправданные массовые умонастроения такого типа, используя параллель с мотивами русского фольклора.

Инвариантность фольклорных мотивов, образов и сюжетных схем находится в центре внимания фольклористики уже не первое столетие. Создан целый ряд теорий, которые пытаются объяснить причины этой инвариантности, а количество исследований конкретного фольклорного материала под данным углом зрения поистине необозримо. Сходство элементов устного народного творчества перешагивает, как известно, границы наций и рас, культур и континентов, а также разных фольклорных жанров, разных эпох и стадий развития фольклора.

Однако инвариантность фольклорных мотивов перешагивает и границы самого фольклора, перетекая в инвариантность явлений различных сфер духовной культуры. Для иллюстрации сказанного достаточно вспомнить концепцию архетипов К.Г. Юнга, согласно которой мифы и фольклор – лишь один из путей проявления универсальных формообразующих начал коллективного бессознательного, играющих определяющую роль в психической жизни человека; или попытки структуралистов выявить параллели между структурами, стоящими за фольклорными сюжетами, грамматическими законами, социальными отношениями и т. д. Основная задача настоящей работы – показать параллелизм и возможные пути взаимодействия фольклорного мотива внезапного проявления положительных качеств и некоторых феноменов общественного сознания, связанных с осмыслением истории и ожиданиями осуществления золотого века.

Рассмотрим варианты проявления интересующего нас мотива в различных жанрах устного народного творчества. Схема внезапного проявления богатырских качеств первоначально «прибедняющегося» героя является неотъемлемым

атрибутом народной волшебной сказки. Она лежит в основе образа так называемого «низкого» героя (классический пример – Иванушка-дурачок), который сначала изображён в весьма непривлекательном виде, но в определённый момент преобразуется в идеального «доброего молодца». «Волшебная сказка, – пишет Е.М. Мелетинский, – знает два типа героя: относительно активный, отдалённо напоминающий эпического, и собственно сказочный, пассивный. <...> В терминах русской народной сказки эти два варианта можно обозначить как «Иван-Царевич» и «Иванушка-дурачок»... Мнимо низкий герой, герой, «не подающий надежд», лишь незаметно и постепенно обнаруживает свою героическую сущность, торжествует над своими врагами и соперниками» [1, с. 27]. Данное явление в фольклоре интернационально. Е.М. Мелетинский называет эту тенденцию «мотивом внешней невзрачности скрытых ценностей или потаённой святости» и придаёт ей архетипический статус [1, с. 16].

Нам представляется, что данная инвариантная схема относится и к уровню сюжета фольклорного произведения (преобразование «мнимо низкого» героя в богатыря составляет один из ключевых элементов сюжета волшебной сказки), и в то же время к уровню образа преобразующегося героя. Сущность персонажа типа Иванушки-дурачка как раз заключается в его потенциале превращения в подлинного героя-победителя; реализация этого потенциала – важная часть развития сюжета сказки.

Как отмечает тот же Е.М. Мелетинский, мотив обманчиво невзрачного героя используется также в героическом мифе и героическом эпосе, «...начиная с «подкидыша» Мауи или американо-индейского мальчика-героя, выброшенного из вигвама в кустарник, и кончая библейским пастухом Давидом, неожиданно поразившим Голиафа. Однако в эпической традиции подобные моменты строго относятся к детству героя, а в развитом эпосе эти мотивы редки» [1, с. 27]. Контраст с такой закономерностью представляют собой русские былины, где ситуация внезапного проявления первоначально сокрытых положительных (прежде всего богатырских) качеств встречается очень часто. Видный литературовед первой половины XX века А.П. Скафтымов даже выделяет «мотив предварительной недооценки героя» как частый элемент поэтики русских былин. «Обычно свои подлинные представления о герое, – пишет А.П. Скафтымов, – рассказчик до времени как бы скрывает. <...> Персонажи-зрители сначала явно недооценивают будущего героя: то он слишком молод, то на вид неказист, то по своему положению не внушает внимания и доверия, а иногда и без всяких причин (нередко вопреки его заслугам, несправедливо) ему не воздают должного, не ценят, даже обижают» [2, с. 50]. Лишь позже выясняются превосходство и богатырские качества героя. Примеров легко привести множество. Это и появление Ильи Муромца инкогнито, в одежде простолюдина, на пиру у князя Владимира, где все насмеяются над богатырём, не узнавая его [3, с. 101]; и внешняя (ложная) ничтожность Микулы Селяниновича рядом со Святотором; и маленький, «подорожный» лук Добрыни, из которого он, сломав гигантский лук хана Батыя, демонстративно стреляет в старый дуб и разбивает его в щепки (былина «Василий Казимирович»), и т. д. Приём этот, по мнению Скафтымова, рассчитан на психологию аудитории и служит цели превознесе-

ния героя: «...недооценка Ильи вначале служит для большего торжества впоследствии» [2, с. 53].

Пожалуй, наиболее яркий пример внезапного проявления богатырских качеств по контрасту с их первоначальным отсутствием даёт былина «Исцеление Ильи Муромца». Илья Муромец до исцеления был не просто заурядным или невзрачным человеком, он был антиподом богатыря – инвалидом. Тем не менее (а может быть, как раз поэтому?), именно он становится наиболее выдающимся русским богатырём.

В основе исцеления Ильи Муромца, посрамления великана Святогора перед невзрачным Микулой Селяниновичем или преобразованием Иванушки-дурачка в доброго молодца лежит одна и та же схема: первоначальное отсутствие или недостаток богатырских качеств сменяется избыточным, поражающим воображение их изобилием, никак не ожидавшимся ранее и потому особенно впечатляющим.

Можно заметить, что в одних вариантах действия описанной схемы избыточные положительные качества присутствуют с самого начала, но до определённого момента не обнаруживаются. Здесь имеет место своеобразное «прибеднение» (сюда относится большинство проявлений этой схемы в русских былинах). В других вариантах богатырские качества первоначально отсутствуют и появляются на нужной ступени развития сюжета; момент их возникновения и момент их обнаружения совпадают (таков эпизод исцеления Ильи Муромца). Преобразование героя волшебной сказки, по-видимому, содержит элементы как первого, так и второго варианта. Важно отметить, что в любом случае фольклорное произведение построено так, что скачкообразное возникновение либо обнаружение богатырства уже заложено – на уровне законов поэтики – в его первоначальном отсутствии, в подчёркнутой непохожести персонажа на героя-богатыря: функция этой непохожести заключается как раз в том, чтобы контрастировать с последующим возвышением, величием, раскрытием скрытой сущности.

Мотив контрастного проявления положительных качеств играет важную роль и в таком фольклорном жанре, как легенды о «царевичах-избавителях», которые являются разновидностью народных социальных утопий. В отличие от большинства жанров устного народного творчества, наиболее важная часть содержания в данном типе легенд относится не к прошлому, а к будущему; при этом повествование не только не воспринимается аудиторией как вымысел, но, напротив, вера в реальность излагаемого лежит в основе функционирования этого фольклорного явления. К.В. Чистов, исследовавший русские народные социально-утопические легенды о «царевичах-избавителях», пишет об универсальной сюжетной схеме, лежащей в основе подавляющего их большинства. В данных фольклорных произведениях обычно говорится о представителе царского рода, который, являясь законным претендентом на престол, в результате придворных интриг был отстранён от власти и лишь чудом избежал гибели. Вопреки официальной информации о смерти царевича, на самом деле он (на тот момент, когда рассказывается легенда) жив и скрывается в надёжном месте; в определённое время он появится, заявит о своих правах на власть и, обре-

тя эту власть, дарует простому народу множество благ, фактически – разрешит основные социальные противоречия [4, с. 30–32].

Упования на «доброе монарха», правление которого не за горами, характерно для многих культур древности и средневековья. По многочисленным свидетельствам, в средневековой Европе восхождение на престол практически каждого нового монарха сопровождалось вспышкой надежд на то, что именно этот правитель воплотит в реальность многовековые чаяния народа о лучшей жизни. Образ грядущего идеального монарха лежит в основе не только западноевропейских и русских, но и, например, китайских и индокитайских народных социальных утопий. Так, средневековые китайские апокрифы часто обращаются к описанию ожидаемого идеального монарха, к знакам и знамениям, которые говорят о приближении его прихода [5, с. 52–63].

Уместно указать на структурное и содержательное сходство легенд о «царевичах-избавителях» с другим фольклорным жанром – легендами о «возвращающихся героях». Содержание этих легенд сводится к утверждению, что тот или иной популярный фольклорный персонаж или реально существовавший исторический деятель не умер, а спит волшебным сном или же пребывает в каком-либо подобном, образно говоря, «непроявленном» состоянии. В определённый срок он вернётся к людям и заступится за несправедливо обиженных, избавит народ от невзгод; в некоторых случаях говорится о том, что герой возьмёт власть в обществе в свои руки. Такие легенды существовали у самых разных народов. Их героями становились, например, король Артур (Англия), Фридрих Барбаросса (Германия), Марко Кралевич (Югославия), Илья Муромец, Степан Разин (Россия), «скрытый имам» (ряд ближневосточных государств) и другие.

Легенды о «возвращающихся героях» в совокупности с легендами о «царевичах-избавителях» дают любопытный материал для выводов о некоторых закономерностях массового сознания. Так, К.В. Чистов на обширном историко-культурном материале доказывает, что, несмотря на сходство сюжетной схемы тех и других легенд, почти все они зарождались самостоятельно, то есть легенды о новых царевичах и героях чаще всего не развивались из существовавших ранее подобных сюжетов. «Самостоятельность и относительная независимость происхождения отдельных легенд, – пишет К.В. Чистов, – если они установлены, снимают утверждение А.Н. Веселовского о том, что немецкие легенды о возвращающемся императоре и все сходные с ними легенды других народов развились из одного источника – раннехристианских эсхатологических преданий – в процессе непрерывной литературной истории однажды созданного текста или по крайней мере сюжета. Исследованный нами русский материал приводит к иному выводу – даже на русской почве этот сюжет возникал многократно и вполне самостоятельно, никакой миграции сюжета в обычном смысле не происходило. Сравнение же легенд о царях (царевичах)-«избавителях» со сходными сюжетами, известными в русском фольклоре или в фольклорной традиции других народов, заставляет предположить, что сюжет – «герой скрывается для того, чтобы возвратиться и избавить народ от социального (национального, религиозного) гнёта» – может возникать различными путями» [4, с. 224].

Без обращения к психологической и социально-экономической обусловленности данного явления затруднительно объяснить то постоянство, с каким массовое сознание трактовало протекающие социальные процессы и заложенные в них потенциальные возможности в пользу оптимистического их осмысления: менялись имена царевичей и героев, но не модель восприятия социальной реальности.

В народных социально-утопических легендах мотив внезапного проявления положительных качеств относится уже не столько к индивидуальным качествам, как в волшебной сказке или героическом эпосе, а, скорее, к уровню судьбы общества, к социальному идеалу. Сама народная социальная утопия, хотя и является жанром фольклора, представляет собой вместе с тем феномен общественной психологии, массовых умонастроений, где определяющими оказываются уже не столько законы поэтики, сколько законы массового сознания.

Можно обнаружить и другие явления общественного сознания, уже не относящиеся к фольклору или имеющие к нему лишь косвенное отношение, в которых мотив внезапного проявления положительных качеств (в данном случае – мотив внезапного осуществления социального идеала) играет одну из главных ролей. Прежде всего здесь необходимо назвать эсхатологию – религиозное учение о грядущих глобальных изменениях мира: о «конце света», о страшном суде, о наступлении божественного порядка на земле. Термин «эсхатология» первоначально обозначал элемент религиозной традиции христианства; применительно к ней, а также к иудаизму, который является непосредственным предшественником и во многом источником христианской эсхатологии, этот термин чаще всего употребляется и сейчас. Однако, так как идея грядущего сверхъестественного преображения мира присутствует и в других религиозных и мифологических системах, термин уже давно используется при описании самых различных культур. Ярко выраженный эсхатологический элемент содержат в том или ином виде все наиболее развитые религии: иудаизм, христианство, ислам, индуизм, буддизм, зороастризм, даосизм, а также религиозно-мифологические традиции скандинавов и индейцев Америки.

Несмотря на существенные различия в эсхатологии «восточных» и «западных» религий, можно выделить некоторые черты, инвариантные для эсхатологии всех развитых религий. Это представления о носящем характер катастрофы (битвы, всемирного потрясения и т. п.) грядущем очищении мира от зла, которое будет осуществлено прямым вмешательством божественных сил и за которым последует вечное или очень продолжительное идеальное состояние мира и человеческого общества. Для нас важно отметить, что грядущее преображение мира в эсхатологических концепциях практически всегда носит скачкообразный характер. Идеальное состояние мироздания наступает не постепенно, но, скорее, как полная противоположность прежнему миру: в эсхатологических концепциях осуществлению социально-космического идеала обычно предшествует длительный период деградации общества и серия глобальных катастроф. Получается, в идеальное состояние мир переходит из состояния, вовсе к такому развитию событий не предрасполагающего: аналогичным образом никак не наводят на мысль о своём грядущем богатырском величии лежащий на

печи Илья Муромец или красноречиво охарактеризованный своим именем сказочный Иванушка-дурачок.

Нам представляется, что и в народной волшебной сказке, и в былинах, и в народных социальных утопиях, и в эсхатологических концепциях – везде, где действует мотив внезапного проявления положительных качеств – психология восприятия ситуации имеет много общего. Описанный мотив предполагает переход от состояния крайне неудовлетворительного (будь то состояние человека, какого-то аспекта человеческой жизни или же целого общества) к состоянию крайне благополучному, успешному, идеальному. Как уже говорилось, в фольклорных текстах первоначальный неприглядный, невыигрышный облик героя может являться залогом последующего торжества данного героя. Более того, формула рассматриваемого мотива часто подразумевает: чем хуже вначале, тем лучше в итоге. Но всякое ли негативное состояние неизбежно оборачивается благополучием и победой? Ясно, что в жизни, в отличие от фольклора, это скорее исключение, чем правило. Мотив внезапного проявления положительных качеств может, таким образом, оправдывать неудачу, бездействие, бедственное положение и т. п. как едва ли не предпосылку проявления скрытого до поры до времени положительного потенциала, верный знак грядущего преобразования, которое своей грандиозностью всё окупит. Фантастический мир фольклора обычно не обманывает этих ожиданий, чего нельзя сказать о тех случаях, когда мотив внезапного проявления положительных качеств начинает действовать в осмыслении общественных процессов и подпитывает беспочвенные ожидания осуществления социального идеала.

Данная психологическая закономерность очень отчётливо проявляется, в частности, в эсхатологии: во многие эпохи нарастание социальных и природных катаклизмов воспринималось народом как знак приближающегося конца света, ведущего к разрушению мира несправедливости и реализации идеального миропорядка. Как пишет М. Элиаде, «эту тенденцию к девалоризации текущего момента не следует трактовать как пессимизм. Напротив, в ней выражается скорее излишний оптимизм, ибо в ухудшении современного положения вещей по крайней мере некоторые люди видели приметы неизбежного грядущего обновления. Начиная с эпохи Исаии, многие живут в тревожном ожидании военных катастроф и политических потрясений, которые служат неоспоримым признаком мессианского *illud tempus*, которое должно обновить мир» [6, с. 203]. Эсхатология часто выполняла, помимо прочего, функцию если не оправдания, то хотя бы объяснения существующих несправедливостей и бедствий: «...страдание, – пишет М. Элиаде, – становится понятным и, как следствие, переносимым» [6, с. 153]. В данном случае эффект «оправдания страдания» был тем сильнее, чем больше был масштаб бедствий: эсхатологическая модель истории позволяла трактовать их как признак приближающегося идеального мира, то есть трактовать негативное как знак приближающегося позитивного.

В результате психологическая схема, способная эффективно служить в качестве пути проявления компенсаторной фантастики в фольклоре, при её приложении к осмыслению социально-исторических процессов оказывается ловушкой, западнёй, оправдывающей пассивные, ни на чём не основанные ожидания.

Интересным примером осмысления этого параллелизма фольклорного мотива и социальной психологии является сказка М.Е. Салтыкова-Щедрина «Богатырь». В ней великий русский сатирик на художественном языке вскрывает опасность, заложенную в приложении схемы внезапного проявления положительных качеств к восприятию судьбы народа, общества, государства.

Сказка «Богатырь» была написана Салтыковым-Щедриным в 1885–1886 годах. Несколько попыток её опубликовать ни к чему не привели, и массовому читателю она стала доступна лишь в 1922 году. Содержание её в двух словах таково: «в некотором царстве» родился Богатырь, но вместо того чтобы совершать подвиги, лёг в дупло и заснул. Люди с надеждой целую тысячу лет ждали его пробуждения, терпя лишения, но веря, что в решающий час герой защитит их. Наконец, напали на страну враги, но Богатырь и тогда не поднялся: «Подошёл в ту пору к Богатырю дурак Иванушка, перешиб дупло кулаком – смотрит, ан у Богатыря гадюки туловище вплоть до самой шеи отъели. Спи, Богатырь, спи!» [7, т. XVI, с. 192–194].

Чтобы лучше уяснить интертекстуальные связи этого произведения, приведём отрывки из двух статей. Первая, называемая «862 – 1862», была напечатана в газете «Санктпетербургские ведомости» в 1862 году и посвящалась широко отмечавшемуся тогда тысячелетию Руси: «Есть сказка у нашего народа об «Илье Муромце», который тридцать лет и три года сиднем сидел на печи, ничего не делал, но рос богатырски, на удивление всему народу. Ни упрёки родных за леность, ни жалобы их на такую бесполезную жизнь – ничего не помогало. Илья сидел всё на печи, ел, пил и спал да думал крепкую думушку – пока не ударил час его жизни. Тогда он встал, и земля задрожала под его ногами.

Это про себя народ наш сложил сказку. И Россия, как Илья Муромец, всё росла да росла, как будто ни о чём не думала, как будто ничего не делая... Она всё больше расправляла члены, раздвигала себе границы, как видно готовясь на большем просторе заявить со временем свою жизнь» (цит. по: [8, с. 249]).

Этот отрывок был процитирован и снабжён ироническими комментариями в одной из статей журнала «Свисток», сатирического приложения к журналу «Современник» [8, с. 249–250]. В следующем номере «Свистка» напечатана статья М.А. Антоновича, отрывок из которой мы приводим: «В то время, когда, несмотря на вековую отчаянную мольбу московской Руси – «не будите меня на заре», её всё-таки разбудили и, как нарочно, на заре великого дня, занявшейся по мановению какой-то волшебной десницы, когда могучий богатырь, тысячу лет сиднем сидевший и от нечего делать сладко дремавший, наконец, проснулся, машинально протёр сонные глаза, погладил усы и бороду, когда пробудились его мощные силы и запросились к энергической деятельности...» [8, с. 268].

В обеих статьях речь идёт об одном и том же: сюжет былины «Исцеление Ильи Муромца» примеривается к российской истории. Во второй статье, как и в сказке Щедрина «Богатырь», имя Ильи Муромца уже не упоминается, но достаточно сравнить их с первой статьёй, чтобы убедиться, что источник образа тот же. Щедрин не мог не знать эти статьи (он сам печатался в «Свистке», а второй из названных номеров этого журнала вышел непосредственно под его руководством), и они могли повлиять на написанную им двадцать лет спустя сказку. В щедринском тексте есть даже буквальные совпадения с вышеупомя-

нутыми публицистическими произведениями, например, в том, что богатырь спал тысячу лет. Однако мы склонны трактовать ситуацию шире: на наш взгляд, здесь можно говорить об одной из тех культурных формул, которые витают в «воздухе» той или той культуры и являются общекультурным достоянием. Речь идёт не только о самом сюжете былины «Исцеление Ильи Муромца», но и о соотношении этой сюжетной схемы с ожидаемым расцветом России.

Илья Муромец лежал, а затем встал и начал совершать великие дела; Богатырь лежал, да так и не встал. Этой короткой фразой можно выразить основное различие и противоречие между решением проблемы в былине и у Салтыкова-Щедрина. Фольклорная формула как бы «выворачивается наизнанку» и переосмысливается. С помощью этого разоблачаются слабые стороны психологической схемы, лежащей в основе образа.

И в процитированных выше статьях из журнала «Свисток», и у Щедрина былинная ситуация, выступая как схема восприятия истории, претерпевает почти одинаковые изменения, весьма показательные. Прежде всего, во всех трёх случаях богатырь бездействует столько лет не из-за недуга, а потому, что погружён в сон: причина менее уважительная, но зато богатырь с самого начала предстаёт полноценным. Во всех трёх произведениях подчёркивается также изначальная физическая мощь богатыря. У Щедрина грядущее пробуждение героя становится предметом ожиданий и предвосхищений («Вот уж проснётся наш Богатырь и нас перед всем миром воспрославит!» [7, т. XVI, с. 193]), чего тоже нет в былине.

Вследствие таких метаморфоз сказка Щедрина неожиданно приобретает сходство с рядом других фольклорных сюжетов. Это уже упоминавшиеся легенды о возвращающихся героях и «царевичах-избавителях». Можно говорить и об определённых параллелях с ожиданиями мессии, характерными для эсхатологических концепций различных религий. Но главная параллель, связанная с объектом сатиры Щедрина, – это характерные для различных эпох и народов ожидания «чудесного избавления» от социальных проблем. Классический вариант народных ожиданий в этом случае – упование на воцарение доброго монарха. Против проявлений этой психологии и направлена сказка Щедрина. Писатель разоблачает пассивное упование народа на какую-то силу, которая должна вдруг неизвестно каким образом прийти и осчастливить страдающие народные массы. «В громаде убиенных, которую представляет собой масса и для которой, по-видимому, нет в настоящем никакого просвета, существует какое-то неисповедимое тяготение к обседающему её со всех сторон злу, какой-то непреодолимый страх ко всему, что не сразу, не по магию волшебства устраняет его. Сбитая с пути разумных отношений к окружающей природе, загнанная в мир чудес, эта громада от чуда ждёт избавления своего из земли египетской, и никакие пророки в мире не убедят её, что это избавление зависит от неё самой», – писал Щедрин в 1870 году [7, т. VII, с. 335]. Несмотря на огромную любовь к народу, глубокое знание и понимание его интересов и духовной жизни, по некоторым вопросам писатель был принципиально не согласен с народным миропониманием: «...как бы я ни был предан народным массам, как бы ни болело моё сердце всеми болями толпы, но я не могу следовать за нею в её близоруком служении неразумию и произволу» [7, т. VI, с. 189].

Весьма примечательно, что в случае с щедринским Богатырём внезапное проявление богатырства оказывается ложно построенным с точки зрения фольклорных законов. Эффект подобных приёмов в фольклоре строится на внезапности, неожиданности проявления положительных качеств. Первоначально сила должна быть сокрыта, и никаких признаков того, что она в будущем проявится, не должно быть. В «Богатыре» же пробуждение главного героя становится предметом длительных ожиданий, обсуждений и предвосхищений, чем фактически сводится на нет сам принцип контрастного проявления силы. Богатырь изначально является могучим великаном, и здесь уже срабатывает прямо противоположный фольклорный принцип: посрамление силы дерзкой, прямо и громко о себе заявляющей. Так, А.П. Скафтымов пишет не только об уже упоминавшемся нами характерном для былин «мотиве предварительной недооценки героя», но и о противоположной особенности былинного сюжетосложения: «До подвига видимое соотношение сил богатыря и его противника представляется всегда *в решительном преобладании врага*. Враг преувеличен, богатырь преуменьшен» [2, с. 53]. Примеры: Идолище, Тугарин, Змей Горыныч, Шарк Великан, Кострюк и другие.

Таким образом, Щедрин полемизирует с фольклорной традицией на её же языке: внешне разрушая былинную схему, на уровне поэтики следует художественным законам устного народного поэтического творчества. В этом, на наш взгляд, секрет фольклорного «духа» щедринских сказок при их сюжетной и идеологической самостоятельности. Вышесказанное является яркой иллюстрацией к словам В.Я. Проппа: «...писатель, черпающий из сокровищницы фольклора, должен не только воспринимать народную традицию, он должен её преодолеть» [9, с. 29]. Творчество гениального писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина являет собой образец диалога-poleмики как с фольклором, так и с современным Щедрину народным менталитетом.

Действие мотива внезапного проявления положительных качеств и в фольклоре, и в социальных ожиданиях в значительной степени связано, как нам представляется, с компенсаторной психологией. Понятие механизмов бессознательной психической защиты, одним из которых (наряду с вытеснением, проекцией, замещением, регрессией, рационализацией и т. д.) является компенсация, было детально разработано еще З. Фрейдом и на настоящий момент принято как одно из основополагающих понятий в современной психологической науке. Психологическую компенсацию можно определить как «интенсивные попытки исправить или как-то восполнить собственную реальную или воображаемую физическую или психическую неполноценность» [10, с. 107]. «Все защитные механизмы, – пишут Л. Хьелл и Д. Зиглер, – обладают двумя общими характеристиками: 1) они действуют на неосознанном уровне и поэтому являются средствами самообмана и 2) они искажают, отрицают или фальсифицируют восприятие реальности, чтобы сделать тревогу менее угрожающей для индивидуума» [11, с. 129]. Данные механизмы служат защите самоутверждения.

Мотив внезапного осуществления положительных качеств позволяет сделать компенсаторный эффект более убедительным, состыковать действительное и желаемое. Как уже говорилось, далёкая от идеала реальность способна выступать в этом мотиве как предвестие осуществления идеала: обращение к

этой негативно оцениваемой реальности не только не разрушает компенсаторную иллюзию, но, наоборот, работает в её пользу. Таким образом, схожие психологические механизмы могут, с одной стороны, лежать в основе порождения художественного эффекта, типичного для фольклора способа «преподнесения» персонажа, а с другой стороны – становиться базой для социально-исторического мифотворчества, хотя и дающего людям надежду, но в целом, скорее, заслуживающего негативной оценки как источника иллюзорных основ для социального поведения.

Summary

E.S. Maslov. Folklore motive of sudden display of positive qualities and its connection with expectation of the golden age.

The motive of sudden display of positive qualities is invariant for various genres of world folklore. The psychological mechanism similar to what operates in this motive, underlies expectation of sudden realization of a social ideal (a national social utopia, eschatology), that leads to distortion of adequacy of perception of historical process. Russian writer M.E. Saltykov-Schedrin in the tale “Bogatyr” exposes unjustified mass moods of such type, using a parallel with motives of Russian folklore.

Литература

1. *Мелетинский Е.М.* О литературных архетипах. – М., 1994. – 134 с.
2. *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин. – Москва – Саратов, 1924. – 226 с.
3. Былины: Сборник / Сост. Б.Н. Путилова. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 552 с.
4. *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды – М.: Наука, 1967. – 342 с.
5. *Мартынов А.С.* Официальная идеология и народные движения в императорском Китае // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. – М.: Наука, 1988. – С. 52–63.
6. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость. – СПб.: Алетейя, 1998. – 249 с.
7. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. в 20 т. – М.: Худож. лит., 1965–1975.
8. «Свисток». Сатирическое приложение к журналу «Современник» 1859–1863 гг. / Сост. А.А. Жук и А.А. Демченко. – М.: Наука, 1982. – 594 с.
9. *Пропт В.Я.* Русская сказка. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. – 335 с.
10. *Михайлов А.Н., Ротенберг В.С.* Особенности психологической защиты в норме и при соматических заболеваниях // Вопр. психологии. – 1990. – № 5. – С. 106–111.
11. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб.: Изд-во «Питер», 1999. – 608 с.

Поступила в редакцию
04.12.06

Маслов Евгений Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Казанского государственного университета.